

УДК 329.361:726(470.41)"19"

**АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА
В ТАТАРСТАНЕ И ЛИКВИДАЦИЯ КУЛЬТОВЫХ ЗДАНИЙ
В НАЧАЛЕ 20-х ГОДОВ XX ВЕКА**

Р.Р. Хайрутдинов

Аннотация

В статье описываются особенности реализации первого этапа антирелигиозной политики в Татарстане, анализируется роль местных органов охраны памятников по сохранению памятников культового зодчества и церковных ценностей в 1919 – начале 20-х годов.

Ключевые слова: антирелигиозная политика, ликвидация культовых зданий, охрана памятников истории и культуры.

В истории российской культуры, ее гуманитарном наследии значительное место занимают памятники церковного искусства, объекты культового зодчества. С первых лет Советской власти проявляется резко негативное отношение коммунистического режима к конфессиональным институтам и Церкви в целом. Антирелигиозная политика атеистического государства базировалась на мировоззренческой несовместимости марксистской концепции с религиозной идеологией и отношением большевиков к вере как духовному стержню самодержавия, апологету имперской России.

Наступление на религию и конфессиональные институты предполагало постепенную ликвидацию их политического, идеологического и экономического влияния. 20 января был принят и 23 января опубликован Декрет СНК «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», в соответствии с которым вероисповедание признавалась сферой частной жизни граждан, а религиозные общества юридически лишились социально-экономической базы [1, ст. 263]. Одним из результатов нормативно-правовых решений нового правительства стала национализация имущества Церкви, ее земельной собственности, что тяжело отразилось на деятельности конфессиональных организаций.

Местные органы власти и управления повсеместно выносили решения, направленные на секуляризацию церковных владений. Так, 18 мая 1918 г. Казанский городской совет, основываясь на положениях Декрета 3-го Всероссийского съезда советов, издал обязательное постановление, в соответствии с которым все церковные земли различных вероисповеданий, а также земли монастырей, расположенных как в черте Казани, так и на примыкающих территориях, с 10 мая 1918 г. считались перешедшими в ведение города и подлежали обложению арендной платой в пользу городского хозяйства. Землемерный отдел Совета

городского хозяйства произвел обмер всех церковных и монастырских земель шести районов Казани, площадь которых составила 208 дес., и предложил владельцам бывшей церковной и монастырской земли с 1 июля 1918 г. заключить с городом шестилетние контракты и внести арендную плату.

Ранее постановлением Казанских народных комиссаров от 15 (28) февраля 1918 г. Казанская Духовная консистория как губернское правительственное учреждение была ликвидирована. Из ведения епархиальных властей были изъяты, прежде всего, вопросы религиозного образования и воспитания. Декретами комиссара просвещения Казанской республики А.А. Максимова запрещалось преподавание Закона Божия и чтение молитв в учебных заведениях. Это вызвало многочисленные протесты как со стороны духовенства, так и православных горожан.

Так, Крестьянский съезд Казанской губернии постановил признать Закон Божий обязательным предметом в школах. Рабочие Казани в числе 14 тыс. человек обратились к Максиму с требованием сохранить преподавание Закона Божия в школах. В июне 1918 г. делегация казанского духовенства добилась приема у управляющего СНК РСФСР, заявив, что «православное население г. Казани требует свободного преподавания Закона Божия в православных русских школах и глубоко возмущено теми препятствиями, которые воздвигает на этом пути местная советская власть, тем более что та же власть официально признала за мусульманскими учебными заведениями право на свободное преподавание их Закона веры. <...> [В]се посягательства на церковное достояние вызывают в православном народе искреннее и глубокое возмущение» [2, с. 35–36]. В этой связи отметим, что, несмотря на решение советской власти о закрытии в 1918 г. всех духовных учебных заведений, Казанская Духовная академия продолжала свою деятельность до марта 1921 г., вплоть до ареста ректора Академии епископа Анатолия (Чистопольского) и 19 преподавателей [3, с. 107]. Указания Декрета были дополнены и регламентированы последующими постановлениями и инструкциями Наркомюста (24 августа 1918 г.), Наркомпроса (22 августа 1918 г., 5 октября 1918 г., 30 марта 1920 г.), другими подзаконными актами. В них определялся порядок приема и изъятия национализированного церковного имущества местными органами управления и охраны памятников, а также механизм передачи его в бесплатное пользование религиозным общинам [4, с. 249–251, 255–260].

Все имущество, имеющее историческое, художественное и археологическое значение, в том числе храмы, молитвенные дома, монастырские здания и другие памятники, а также церковное и обрядовое имущество, находившееся в этих зданиях, переходило в ведение Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины НКП РСФСР (Всероссийской Коллегии) и его местных органов и представителей.

Для приема имущества создавались комиссии из представителей Советов рабочих и крестьянских депутатов, местных Коллегий по делам музеев и охране памятников, государственного контроля. В функции комиссий входили оценка и классификация памятников музейного значения, составление описей (анкетного листа), выделение предметов, подлежащих немедленному изъятию и передачи в национальный музейный фонд. При этом право элиминирования при-

надлежало исключительно Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Часть объектов и богослужебных предметов, имеющих историко-художественное значение, при условии составления соответствующего акта могла быть передана общине верующих, оставшиеся предметы подлежали передаче в государственное казначейство. Вместе с тем комиссия обладала правом отказа в передаче верующим храма, даже вопреки желанию прихожан, на основании вынесенного ею заключения об исключительном историко-художественном значении культового сооружения. Окончательное решение в таком случае отводилось Всероссийской Коллегии.

Одними из первых культовых зданий, подлежащих закрытию, стали домовые церкви. В постановлении НКП РСФСР от 22 августа 1918 г. «Об освобождении помещений из-под домовых церквей при учебных заведениях и о ликвидации этих церквей» говорилось, что они «подлежат <...> использованию исключительно для учебно-воспитательных целей, преследуемых учебными заведениями» [5, с. 2].

В сложнейших условиях борьбы различных политических сил за власть в Казани реализация Декрета об отделении церкви от государства в части регистрации и учета церковного имущества задерживалась. На территории Казанской губернии летом 1918 г. и весной 1919 г. бушевал водоворот гражданской войны. Лишь с сентября 1918 г., с восстановлением Советской власти и воссозданием партийных, советских и хозяйственных органов, в Казани были приняты некоторые шаги по ликвидации ряда монастырей и храмов. В первую очередь это было связано с размещением воинских частей в монастырских комплексах.

С 21 сентября 1918 г. церкви в Казанском Кремле, в том числе храмы Спасо-Преображенского монастыря и Благовещенский Кафедральный собор были опечатаны военными властями. Богослужения в них отменялись. Кремль был объявлен военным городком, а все гражданские учреждения и частные лица подлежали выселению. Однако власти, уступив требованиям архимандрита о. Иоасафа, дали разрешение на перенос из кремлевских церквей в Казанский Богородицкий монастырь наиболее чтимых святынь. Под покровом ночи монахинями из Кафедрального собора была вынесена рака с мощами святителя Гургия, из Спасо-Преображенского монастыря – рака с мощами святителя Варсонофия, икона св. Варвары с частицей мощей, древние иконы Николая Ратного и Спаса Всемилоственного, древняя запрестольная икона и крест [2, с. 44].

В мае 1919 г. храмы были переданы под охрану Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете, исполнявшего до создания Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев функции местного органа охраны памятников. Обществу удалось добиться разрешения на размещение в Кафедральном соборе сторожей и на проживание в Спасском монастыре четырех монахов, которым был поручен надзор за храмами.

В 1919 – начале 1920-х годов в Казанской губернии прошла первая волна ликвидации культовых зданий. Закрытию в первую очередь подлежали монастыри, храмы при духовных и светских учебных заведениях, лечебных, воинских,

судебных учреждениях. Создаваемые ликвидационные комиссии, принимая решение о передаче помещений бывших домовых церквей, зачастую не предпринимали усилий по сохранению храмового имущества.

Так, приказом заведующего карательным отделением Казанского губернского отдела юстиции от 13 июня 1919 г. было предложено «всем заведующим местами заключения Казанской губернии, коих приказ этот будет касаться, срочно провести в жизнь декрет об отделении церкви от государства, ибо тюрьма, как являющаяся государственным учреждением, должна была давно провести в жизнь этот декрет. Вся церковная утварь и проч. должно быть сдано в соседнюю общинную церковь под опись, копия же последней должна быть представлена мне с личным заключением заведующего местами заключения, для какой надобности может быть приспособлено помещение бывшей церкви».

В этих условиях заботу о сохранении церковных ценностей первоначально приняло на себя Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Однако попытки Общества противостоять органам власти в этих вопросах были обречены на неудачу. В сентябре 1919 г. уже упоминавшийся заведующий карательным отделением в ультимативной форме потребовал от начальника губернской тюрьмы приступить к ликвидации храма и сообщить Обществу, «что оставление церкви при тюрьме не может быть... Фотографирование церкви не допускается».

С созданием в августе 1919 г. Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР Совет Общества обратился 15 октября 1919 г. во вновь созданное учреждение с просьбой полностью принять на себя попечение об охране памятников старины и древностей, в том числе объектов Казанского кремля, «церквей при университете, военном госпитале, при бывших арестантских ротах (в Плетенях) и проч.».

С первых своих шагов Казанский подотдел в лице К.В. Харламповича попытался наладить отношения с местной исполнительной властью с целью «установления линии поведения в деле ликвидации церквей». Члены подотдела принимали деятельное участие в осмотре упраздняемых храмов, отборе для музейного фонда вещей, имевших художественно-историческое значение.

Так, в сентябре – декабре 1919 г. по поручению Коллегии подотдела В.П. Соколов осмотрел закрываемые церкви при пересыльной тюрьме, Родионовском институте, духовной семинарии, крещено-татарской школе, совместно с К.В. Харламповичем исследовал храмы Зилантова монастыря. Из бывших церквей Казанского монастыря, духовной семинарии, здания духовного правления им были отобраны в музейный фонд медные ризы, складни, образки, кресты, иконы. К.В. Харлампович побывал в ликвидируемых церквях при Плетневской тюрьме, 3-й мужской гимназии, женской учительской семинарии, изъясил и передал в подотдел три ценных креста из упраздненного храма при военном госпитале.

Представители духовенства закрываемых церквей обращались в Казанский подотдел, как единственное учреждение, способное оградить храмы от разорения, с просьбами оказать содействие в сохранении церковного имущества. В сентябре 1919 г. священник Казанского военного госпиталя Е. Кедринский,

указывая на требование политкома госпиталя передать храм для размещения больных, просил подотдел при осмотре храма обратить внимание на иконостас и по возможности «отстоять – сохранить его». Однако уже в ноябре того же года Казанский Епархиальный совет сообщил в подотдел, что, несмотря на внесенное в протокол ликвидационной комиссии требование о сохранении иконостаса, выполненного в стиле ампир, последний был «совершенно разрушен и вывезен неизвестно куда».

В сентябре 1919 г. попытку обезопасить кремлевские храмы от воинского постоя предпринимал уполномоченный Главного управления по архивным делам по Казанской губернии, профессор университета И.А. Стратонов. Он обратился в Жилищно-земельный совет с ходатайством об отводе для нужд Губархива Спасской башни, военной церкви и Спасо-Преображенского монастыря. Ученый-архивист просил поддержки у Казанского подотдела, указывая, что ряд церковных зданий XVII века, безусловно, подлежит охране. Несмотря на то, что данное предложение Стратонова не было поддержано, он раз за разом обращался в подотдел и в местные органы власти с предложениями о передаче церковных и монастырских зданий под архивохранилища. В марте 1923 г. он обратился с очередным прошением о выделении двух пустующих – братского и келейного – корпусов Зилантового монастыря в качестве временного места «централизации архивов Татреспублики».

24 сентября 1919 г. в Казанский Епархиальный Совет явились представители Губчека, предъявившие ордер на проведение обысков во всех кремлевских храмах. В тот же день обыск был произведен в Спасском монастыре, 26 сентября – в Кафедральном соборе. В ходе обыска в хорах была обнаружена запертая дверь, ведущая в соборную ризницу. Чекисты потребовали от настоятеля Ивановского монастыря о. Иасафа открыть двери, но получили отказ.

Опрошенные священнослужители показали, что ключи от ризницы были увезены протоиереем А. Яблоковым в сентябре 1918 г. при отступлении белочехов из Казани. Стальную дверь удалось взломать лишь 29 сентября. В присутствии члена Казанского подотдела по делам музеев и охране памятников старины П.М. Дульского, члена Совета ОАИЭ, руководителя губернской архивной службы И.А. Стратонова, председателя Востоковедческой комиссии Казанского университета Н.А. Бобровникова, о. Иасафа, настоятеля Грузинской церкви г. Казани П. Руфимского и трех сотрудников Губчека в ризнице, состоявшей из двух комнат, были обнаружены ценнейшие произведения церковного искусства, старинные облачения, иконы, книги, богослужебная утварь XVI – XVIII вв.

После составления акта вещи были перенесены в храм. На следующий день, 30 сентября, о. Иасафом, епископом Анастасием и историком М. Худяковым церковные предметы были подготовлены для отправки в Казанский Богородицкий монастырь. Однако явившиеся к 4 часам дня уполномоченные Губчека предъявили ордер на «конфискацию всех ценностей, имеющих историческое значение».

Внимание чекистов привлекли 11 древних облачений, расшитых жемчугами. Эти редчайшие образцы древнего шитья, упоминаемые в писцовых книгах, являлись ценными памятниками прикладного искусства. Представители церковной

и научной общественности предприняли все усилия, чтобы противостоять изъятию сокровищ Кафедрального собора.

После долгих дебатов стороны пришли к решению продолжить консультации с Губчека и местной исполнительной властью. 1 октября состоялись встречи с руководителем татарстанских чекистов Левенталем и председателем губисполкома Н. Антиповым. В ходе переговоров удалось добиться отмены постановления о немедленной конфискации ценностей до составления описи предметов и их фотофиксации, а также получения заключения из ВЧК.

В тот же день П. Дульский от имени Казанского подотдела информировал Всероссийскую коллегию по делам музеев и охране памятников о конфискации местной властью сокровищ соборной ризницы и просил срочно дать разъяснения Губчека и Казанскому исполкому, что «эти предметы не могут быть конфискованы и должны быть оставлены на месте, так как они нераздельно связаны с памятником старины, в коем они хранятся».

Просьба о содействии была передана и председателю Казанского подотдела Б.Ф. Адлеру, находившемуся в этот период в Москве. По сведениям, приводимым Б.Ф. Султанбековым, И.А. Стратонов и П.М. Дульский связались с И.Э. Грабарем и А.В. Луначарским. Нарком просвещения будто бы обещал переговорить по обстоятельствам казанского дела с В.И. Лениным и Ф.Э. Дзержинским [6, с. 139–140]. Однако подтверждения данного факта нами не обнаружено. Отметим лишь, что председатель Всероссийской Коллегии Н.И. Троцкая оперативно откликнулась на просьбу казанских коллег, направив в Казань телеграмму, в которой от имени Коллегии выразила протест против действий казанских властей, направленных, по ее мнению, против общей политики всероссийского музейного строительства. Она подчеркнула, что все ризницы и древнехранилища Советской республики взяты на учет и находятся в исключительном ведении и под охраной Всероссийской Коллегии Наркомпроса.

Троцкая рекомендовала исполкому получить заключение музейного подотдела о предметах, не имеющих художественно-исторического значения, которые могли быть изъяты из ведения Коллегии. В своем ответе Н. Антипов сообщил в Москву о создании особой комиссии, состоящей из представителей Казанского подотдела, духовенства и Губчека, и заверил центр о незамедлительной отсылке копий описей и фотоснимков церковных ценностей.

Благодаря поддержке центра Казанскому подотделу удалось благополучно завершить «эпопею» с изъятием сокровищ из соборной ризницы. 11 ноября 1919 г. была получена телеграмма из ВЧК, в соответствии с которой церковные ценности подлежали передаче в ведение подотдела. По этому поводу среди членов подотдела развернулась дискуссия о судьбе вещей. Б.Ф. Адлер предлагал предметы религиозного обихода оставить церкви, а ценности художественно-исторического значения перевезти в Народный банк. Против этого резко выступил А. Миронов, который предлагал отставить все предметы в ведении епархиального ведомства, не разделяя коллекцию.

Однако сами церковники в лице о. Иасафа, ссылаясь на противоречия между «сепаратным распоряжением» – телеграммой ВЧК – и циркуляром Наркомюста от 5 февраля 1919 г., в соответствии с которым все изъятые церковные ценности считались передаваемыми на хранение, а не в собственность, не согласились

с этой точкой зрения. В итоге подотдел направил запрос в Наркомат юстиции с просьбой разъяснить вопрос о праве собственности на ризницу.

27 ноября комиссия подотдела в 10 часов утра сняла с дверей Кафедрального собора печати и приняла часть ризницы (более 30 предметов) для передачи на хранение в Губмузей. Уже с марта 1920 г. Епархиальный совет в связи с передачей в ведение этой комиссии Кафедрального собора начал предпринимать попытки возвращения ценностей соборной ризницы, заручившись поддержкой членов Казанского подотдела. 24 марта подотдел снял с собора свои печати и тем самым освободил себя от ответственности «за целостность его и его сокровищ».

Через месяц, 24 апреля 1920 г., президиум Казанского исполкома вынес постановление о том, что вещи, «взятые из Кафедрального собора как неупотребляемые при богослужении и имеющие историческую ценность и значение, возвращению не подлежат и могут быть хранимы только в музее». Вместе с тем заведующий рабоче-крестьянской инспекцией не возражал против передачи ценностей в собор. Казанский подотдел, принимая во внимание всю неопределенность ситуации и ее различную трактовку местными властями, а также участие в этом деле ВЧК и Всероссийской Коллегии, обратился к последней с просьбой разрешить проблему. В итоге в ноябре 1920 г. ценности были возвращены в храм.

Таким образом, на первом этапе ликвидации культовых зданий усилиями музейных работников, сотрудников органов охраны памятников еще удавалось отстоять церковные святыни от разграбления и уничтожения. Переломным в истории государственно-конфессиональных отношений стал 1922 г., положивший начало репрессивной политике по отношению к религии и церкви. В отечественной историографии детально рассмотрены причины, ход и итоги новой религиозной доктрины советского государства, использовавшего для давления на религиозные организации изменения как в общественно-политической, так и в социально-экономической обстановке в стране.

Значимыми шагами в ужесточении партийной линии в религиозной сфере стали кампании по изъятию церковных ценностей. Эта экспроприация проводилась под лозунгом сбора средств в помощь жертвам голода, обрушившегося на страну во второй половине 1921 г. Последовавшие вслед за ней антиколосьевские кампании, закрытие и повсеместный снос храмов нанесли непоправимый урон историко-культурному наследию страны, способствовали превращению органов охраны памятников в структурную часть идеологического пропагандистского аппарата сложившейся командно-административной системы.

Так, в 1929 г. в представлении Татотдела ОГПУ, направленном в Обком ВКП(б) и горсовет с предложениями о сносе закрытых церквей, открыто говорилось о негативном отношении чекистов к деятельности сотрудников Музейного отдела: «Эта группа сторонников церквей православных <...> будет будировать массу верующих по линии неофициальной, а по официальной будет доказывать об архитектурной ценности указанных зданий, не откажется от того, чтобы в этом вопросе заострить внимание Центра, а посему мы считаем необходимым произвести реорганизацию музейного отдела, влив туда деятельных партийцев».

В условиях процветания государственно-правового нигилизма по отношению к памятникам и традициям, крайне идеологизированного и утилитарного подхода к богатейшему историческому прошлому и культурному наследию страны, усиления требований превратить охрану памятников в арену классовой борьбы, повсеместного сноса памятников архитектуры, нарастания волны репрессий, в том числе направленных на моральное и физическое уничтожение ведущих специалистов в музейной и охранной сфере, деятельность как центральных, так и местных органов охраны памятников была парализована.

Summary

R.R. Khairutdinov. Antireligious Policy in Tatarstan and Liquidation of Cult Buildings in Early 1920s.

The article describes the first stage of antireligious policy in Tatarstan. The role of local organizations is analyzed, which engaged in guarding and preserving architectural and religious monuments in 1919 – early 1920s.

Key words: antireligious policy, liquidation of cult buildings, protection of historical and cultural monuments.

Литература

1. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 18.
2. Журавский А.В. Жизнеописания новых мучеников казанских. Год 1918-й. – М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1996. – 203 с.
3. Журавский А.В. Казанская Духовная академия на переломе эпох (1884–1921 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1999. – 309 с.
4. Гидулянов П.В. Отделение церкви от государства в СССР: Полный сборник декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и других социалистических республик. – М.: Юриздат, 1926. – 172 с.
5. Известия ВЦИК. – 1918. – № 180.
6. Султанбеков Б.Ф. Сталин и «татарский след». – Казань: Тат. кн. изд-во, 1995. – 252 с.

Поступила в редакцию
20.10.08

Хайрутдинов Рамиль Равилович – кандидат исторических наук, доцент, директор Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль», заместитель директора по научной работе Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань.

E-mail: Ramilh64@mail.ru